12+

БУДНИ КУРАТОРА

Записки
из медицинского колледжа

Дмитрий Крещеный

Дмитрий Крещеный

Будни куратора. Записки из медицинского колледжа

«Издательские решения»

Крещеный Д.

Будни куратора. Записки из медицинского колледжа /
Д. Крещеный — «Издательские решения»,

В медицинском колледже законы жесткие: за порогом родители остаются ни при чем, а названным отцом и матерью для подростков становится куратор. Он отвечает за всё по закону. Перед вами честная проза о столкновении характеров, где нет места дешевому глянцу. Усмирение истерик полным покоем, тяжелые видео для проверки гонора и уроки тишины в пустом коридоре. Это книга о том, как важно держать дистанцию и вовремя позволить измотанным детям просто побыть детьми.

© Крещеный Д.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Мел и тишина 6
Глава 2. Другой калибр 7
Глава 3. Предел прочности 8
Глава 4. Тест на зрение и Закон куратора 9
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Будни куратора
Записки из медицинского колледжа

Дмитрий Крещеный

Иллюстратор Болотбек Хусаинов

© Дмитрий Крещеный, 2026
© Болотбек Хусаинов, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-5560-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Будни куратора (Записки из медицинского колледжа)

Глава 1. Мел и тишина

Аудитория гудела перед зачетом. Семнадцать лет — это возраст, когда внутри все горит, а наружу просится глупый, ничем не обоснованный бунт. На третьем ряду у окна сидела девчонка. Из тех, кто не умеет жить тихо. Ей позарез нужно было чужое внимание — любое, хоть злое, хоть доброе, лишь бы не оставаться в пустоте.

Она сорвалась на ровном месте. Повод не стоил и ломаного гроша — кто-то не так толкнул парту или не туда посмотрел. Тетрадка с треском полетела на пол, полетели ручки. Группа сразу замерла, втянула головы в плечи. Ждали привычного сценария: сейчас препод начнет орать, ставить двойки, вызывать декана. Ждали искры, чтобы начался настоящий пожар.

Я не двинулся с места. Спокойно положил мел на деревянную подставку, вытер пальцы старой тряпкой. Чужой крик — он как волна, если не ставить ему стену, он просто разобьется о сухой берег.

— Вы вообще меня видите?! — выкрикнула она в упор, подаваясь вперед. Ей нужно было, чтобы я разозлился.

Я посмотрел на нее. Не зло, не жалостливо — просто прямо. В глазах у меня не было ничего, за что ее застарелая обида могла бы зацепиться. Бывают моменты, когда тишина бьет сильнее любого крика. Я прошел мимо ее раскиданных вещей, повернулся к доске и начал писать следующую тему. Голос остался прежним, будничным:

— Пишем дальше. Записываем тему.

Девчонка словно наткнулась на невидимую стену. Минуту ее еще потряхивало от остатков этой бури, слезы застыли на щеках, но кричать в пустоту — глупо. Когда на тебя не смотрят, спектакль заканчивается.

В конце пары она молча, без единого слова собрала свои ручки с пола. Маска великой мученицы слетела, остался просто уставший, запутавшийся подросток, который проверял этот мир на прочность и наткнулся на спокойную силу. Мы больше никогда не вспоминали этот день. Но правила игры поняли оба. В моей аудитории криком ничего не добьешься.

Глава 2. Другой калибр

Открытый конфликт — это всегда слабость. Самый простой и самый глупый путь. Можно было встать в позу, швырнуть в него двойкой или тройкой, но плохая оценка в журнале — это расписка в собственном бессилии. Двойка студенту — это всегда двойка самому себе, как учителю. А я себя слишком люблю и слишком горжусь своей работой, чтобы признавать поражение перед каким-то малолетним гонором.

Поэтому я поступил иначе.

Когда этот парень на очередной лекции попытался включить своего привычного «петушка» со спецмнением ради девчонки, я не стал с ним спорить. Я просто выключил общий свет и запустил на экране учебный фильм. Тяжелое, жесткое медицинское видео, из тех, что идут со строгой пометкой «18+». Реальная патология, хирургия, кровь и плоть без прикрас и цензуры — то, с чем им неизбежно придется столкнуться в профессии, если они, конечно, планируют в ней остаться.

Аудитория мгновенно притихла. В полумраке гонор с парня слетел за секунду, лицо вытянулось. Экран резал темноту равнодушным хирургическим светом, и на этом фоне все его глупые рассуждения о «правах» и «ненужной писанине» вдруг стали мелкими и ничтожными.

Я не остался у доски. Взял стул, подошел к их задней парте и сел прямо рядом с ним. Девчонка его чуть отодвинулась, глядя на экран во все глаза.

— Смотри сюда, — тихо сказал я парню, кивнув на экран, где как раз шла сложная манипуляция. — Вот это — реальная клиника. Не учебник.

Там было много специфических, трудных вещей, которые они на своем первом-втором курсе еще просто не могли до конца понять. И я начал спокойно, размеренно, без капли раздражения объяснять ему каждый шаг на экране. Прямо ему в ухо, один на один. Объяснял, почему этот зажим ставится именно так, что происходит с тканями и к чему приведет малейшая ошибка.

Я не читал нотаций. Я говорил с ним на языке жесткой, настоящей профессии, к которой он оказался совершенно не готов. Парень сидел замерев, едва дыша, и слушал мой ровный голос. Вся его напускная спесь, вся эта петушиная маска перед подругой растворилась. И когда фильм закончился и включили свет, он впервые за все время молча открыл тетрадь и начал записывать материал. Без лишних слов.

Глава 3. Предел прочности

Бывают дни, когда аудитория идет вразнос. Это как цепная реакция в плохом реакторе: один засмеялся, трое подхватили, и через минуту гул стоит такой, что собственного голоса не слышно. Орать в такой момент — значит признать, что ты потерял контроль. Сорваться на крик, брызгать слюной, угрожать докладными — это дешевка. Прекратить занятие и уйти совсем — расписаться в капитуляции.

В тот день группа просто не хотела слушать. Задние ряды откровенно забивали на лекцию, гул перекатывался от парты к парте, и никакие привычные паузы уже не работали. В воздухе висело это глупое, подростковое упрямство.

Я молча закрыл журнал. Не стал стучать ручкой по столу, не сделал ни одного замечания. Просто повернулся, толкнул тяжелую дверь аудитории и вышел в пустой, гулкий коридор.

Там было тихо. Пахло старой побелкой и каплями дождя из приоткрытой фрамуги. Я подошел к большому окну в конце рекреации, оперся ладонями о подоконник и стал смотреть на улицу — на серый осенний асфальт, на редких прохожих под зонтами. Внутри, за закрытой дверью, гул еще продолжался по инерции секунд тридцать, а потом резко, оборванно стих. Наступила та самая глухая, звенящая тишина, которая бывает только тогда, когда до людей доходит масштаб их собственного свинства.

Я стоял у окна минуты три. Не оборачивался.

Дверь позади меня тихо скрипнула. Из класса никто не вышел, но сквозь щель донеслись резкие, злые голоса. Группа сама, без моего участия, начала ломать тех, кто сорвал пару.

— Вы че творите вообще? — глухо, но отчетливо выговаривал кто-то с первого ряда. — Заткнитесь уже, придурки. Человек к нам по-нормальному, а вы как стадо. Зачем так к преподу относиться? Живо извинились, пошли.

Шум внутри стих окончательно. Они сами пристыдили своих же нарушителей — жестко, безжалостно, как умеют только подростки, когда понимают, что перегнули палку.

Я подождал еще полминуты, чтобы дать им переварить этот момент, развернулся и вошел обратно в кабинет. В аудитории стояла мертвая тишина. Нарушители сидели пунцовые, уставившись в парты. Остальные смотрели прямо на меня — серьезно, по-взрослому. Я сел за стол, открыл журнал на нужной странице и спокойно, как будто ничего не произошло, произнес:

— Итак, мы остановились на патогенезе. Записываем.

Больше на этой паре никто не пикнул. Это был лучший урок, который они преподали сами себе.

Глава 4. Тест на зрение и Закон куратора

Они приходят в колледж из своих школ абсолютно слепыми. Первокурсники заперты внутри собственных телефонов, мелких сплетен и мыслей о том, как они выглядят со стороны. Мир вокруг для них — лишь размытый серый фон, декорация, которую они не замечают по дороге от турникета до аудитории.

Через месяц после начала учебы я решил устроить им один простой тест. Не по предмету. Тест на умение смотреть и видеть.

Они только сели за парты, еще сонные, шуршащие тетрадками. Группа была шумная, живая, занятая своими утренними разговорами. Я дождался, пока наступит относительная тишина, оперся ладонями о кафедру и вместо темы лекции задал один короткий вопрос:

— Спорим, вы не знаете своего колледжа?

Они сразу оживились, пошли смешки. Кто-то с задней парты буркнул, что они тут уже все углы выучили, пока искали нужные кабинеты.

— Хорошо, — спокойно сказал я, глядя в эти молодые, уверенные глаза. — Простой вопрос. Кто из вас прямо сейчас скажет мне, где в нашем здании, прямо на подоконнике снаружи окна, растет целое дерево? Настоящая живая береза.

В аудитории мгновенно стало тихо. Они переглянулись. Смешки прекратились, на лицах появилось искреннее, детское недоумение. Кто-то обернулся к окну нашей аудитории, будто надеясь увидеть дерево прямо здесь. Кто-то нахмурился, пытаясь судорожно вспомнить фасады корпусов, мимо которых они каждое утро бегут на пары.

— Да ладно, не может такого быть, — неуверенно протянул «петушок» с задней парты. — На подоконнике дерево не вырастет. Земли же нет.

— Вырастет, — ответил я, не меняя тона. — На старом кирпиче, в щели, куда нанесло немного пыли и земли. Цепляется за жизнь прямо за стеклом. И вы каждый день проходите мимо нее. Каждый божий день.

Они молчали минуты две. Этот простой вопрос пробил их глухую скорлупу безразличия сильнее, чем любая строгая лекция. Они вдруг поняли, что смотрят на мир, но совершенно его не видят.

Они далеко не глупые. И уж точно не наивные. Нынешние первокурсники прекрасно знают свои права, умеют хитрить, просчитывать ходы и проверять границы на прочность. Стоит куратору хоть на секунду ослабить хватку, дать слабину или пустить все на самотек — группа мгновенно выйдет из-под контроля. Держать их в жестких рамках нужно обязательно. И дело здесь не в амбициях преподавателя.

Многие забывают, что пока этим подросткам нет восемнадцати, для закона они остаются детьми. И как только они переступают порог нашего учреждения, вся юридическая, уголовная и моральная ответственность за них мертвым грузом ложится на плечи куратора. Если с кем-то из них что-то случится в этих стенах — отвечать куратору. По всей строгости. По закону в этот момент их родные родители остаются за дверью, а настоящими, юридическими родителями для них становимся мы. Мы отвечаем за каждую их травму, за каждый глупый шаг, за всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.